

УДК 82-84/82-92

Ю. А. Мельник

ТРАНСФОРМИРОВАНИЕ ПЕСЕННЫХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Предметом нашего исследования являются прецедентные высказывания (ПВ), восходящие к текстам песен, и способы их трансформирования в современном публицистическом дискурсе. Под **прецедентным высказыванием**, вслед за Д. Б. Гудковым, мы понимаем “репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченную и самодостаточную единицу, которая может быть или не быть предикативной. Это сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу: последний всегда “шире” простой суммы значений. В когнитивную базу входит само ПВ как таковое и сумма его значений-смыслов. ПВ неоднократно воспроизводится в речи носителей русского ментально-лингвального комплекса” [23, с. 17-18]. (Данный комплекс представлен тремя ипостасями: мышлением, сознанием и языком. Будучи ипостасями единого, названные объекты единосущны, неслиянны и в то же время нераздельны” [19, с. 19]). К числу ПВ принадлежат цитаты, а именно: 1) собственно цитата в традиционном понимании (как фрагмент текста); 2) название произведения; 3) полное воспроизведение текста, представленного одним или несколькими высказываниями.

На наш взгляд, данное исследование обладает высокой практической значимостью, поскольку в процессе обучения русскому языку как иностранному (РКИ) немаловажная роль отводится работе с текстами современной публицистики. Такая работа позволяет студентам легче и быстрее овладеть русским языком XXI века, а также постичь мировидение его носителей. Другими словами, изучение и анализ этих текстов крайне важны для развития коммуникативной и культурной компетенции инофонов. Но их адекватное понимание затруднено именно в силу того, что в последнее время язык публицистики стал более “зашифрованным”, чрезвычайно насыщенным ПВ, а следовательно, ориентированным на культурно грамотного читателя.

Изучению ПВ в целом посвящены работы таких ученых, как Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева, Л. П. Дядечко, Т. А. Ященко, Е. О. Наумова, Г. П. Джинджолия, Н. С. Валгина, Г. Г. Слышкин, Л. А. Гладышева и др. ПВ песенного происхождения описаны в работах О. Г. Сальниковой и С. Г. Шулежковой.

Цель нашей работы: описать способы трансформирования песенных ПВ в современном публицистическом дискурсе.

Материалом для исследования послужили такие издания: “Аргументы и Факты в Украине”, “Аргументы и Факты”, “Зеркало недели”, “Комсомольская правда в Украине”, “Крымская правда”, “Киевские ведомости”, “Телемир”

“Теленеделя”, “Известия”, “Русский мир”, “Собеседник”, “Литературная газета” и др. за 2001-2004 годы.

Новизна исследования заключается в том, что в качестве его предмета мы избрали тип ПВ, изученный в меньшей степени, чем другие. Между тем, проанализированный нами материал позволяет сделать предварительный вывод о том, что такой вид источников, как тексты песен, занимает значительное место по частотности — 31% от общего количества проанализированных случаев (690).

ПВ так же, как и прецедентный текст (ПТ), прецедентное имя (ПИ), прецедентная ситуация (ПС), относится к числу прецедентных феноменов. Данное понятие было введено Д. Б. Гудковым. По словам исследователя, такие феномены “широко функционируют в дискурсивных практиках различных типов. При этом они, как правило, слабо известны инофонам, что приводит к непониманию или к их неверной интерпретации” [5, с. 252]. Причину такой “неосведомленности” объяснить достаточно просто: дело в том, что ПФ определяют специфику русской картины мира и ее отражения в языке и осваиваются русскими на первом этапе социализации — вхождения ребенка в русскую культуру. ПФ являются носителями культурной информации, и преподаватели РКИ должны уделить особое внимание разработке конкретных лингвометодических приемов их презентации иностранным студентам. Изучение ПФ является важным и вследствие их так называемой “аксиологичности”: “Пантеон ПФ, с одной стороны, отражает шкалу ценностных ориентаций лингво-культурного сообщества, а с другой, — обуславливает ее, детерминируя тем самым модели социального поведения в рамках данного сообщества” [5, с. 253]. Все ПФ тесно взаимосвязаны. Например, в речи ПВ выступают, как правило, в роли символа ПТ, т. е. при употреблении прецедентного высказывания в сознании адресата моментально актуализируется инвариант восприятия текста-источника. По мнению авторов книги “Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь”, такие тексты “образуют прототексты национальной культуры, тот фундамент, на котором основываются все другие тексты (даже споря с ними и отрицая их). Корпус ПТ принадлежит своего рода метауровню, к которому обращается при восприятии и порождении текста практически любой носитель культуры. Они во многом задают границы и основные векторы развития национального культурного пространства” [23, с. 29]. Таким образом, вполне понятно, что без знания этих текстов невозможно адекватно и полноценно понимать не только тексты той или иной культуры, обнаруживать их взаимные связи, но и понимать саму культуру.

Как уже было сказано, ПТ (а точнее инвариант его восприятия) актуализируется при употреблении ПВ, т. е. происходит так называемая “экфория” — оживление накопленного опыта по одной детали [цит. по 12, с. 76]. В своих предыдущих работах мы уже говорили о большом количестве терминов, существующих для обозначения рассматриваемого нами явления [16, с. 348; 17, с. 84]. Термин, предложенный Д. Б. Гудковым, мы предпочли потому, что он явно указывает на основной признак исследуемого типа высказываний — “прецедентность”, т. е. на известность этого явления всем представителям национально-

го (в данном случае русского) лингво-культурного сообщества. Данный термин был изначально введен В. Г. Костомаровым и Н. Д. Бурвиковой и в их понимании охватывает единицы, полученные в результате текстовой редукции. Другими словами, за основу при определении понятия ПВ берется критерий свертывания текста до отдельного слова, словосочетания или фразы, которые “аккумулируют прецедентность этого текста”, являясь его символом (1), или отрываются от текста-источника в силу универсальности своего содержания (2), или опираются на конкретную ситуацию, имея исторического автора (3) [цит. по 23, с. 31]. У этих современных идей есть свои истоки. Так, А. А. Потёбня писал о “сгущении мысли”, при котором смысл целого текста находит свое выражение в одном изречении [22, с. 91]. В. В. Виноградов говорил о литературной цитате, которая действует “на фоне представления того целого, из которого она извлечена. В этом случае цитата как бы замещает или концентрирует сложный образ, воплощенный в художественном произведении” [4, с. 231-232]. Мысль о конденсации в “крылатых выражениях” сложных образов высказали также Н. С. Ашукин и М. Г. Ашукина: “Представляя собой лаконические формулировки идей и представлений, конденсируя сложные образы, они вызывают в нашем сознании ряд ассоциаций” [1, с. 5]. С. И. Ожегов, рассуждая о значении крылатых слов как особой выразительной категории в речи, писал о том, что каждое выражение обладает индивидуальностью и смысловой насыщенностью, неотделимой от ассоциаций с контекстом произведения, с исторической эпохой, породившей выражение, с печатью “авторства” [20, с. 126].

ПВ вместе с другими ПФ принимает участие в построении **когнитивной базы**, которая представляет собой ядро национального культурного пространства. Данное пространство определяется как информационно-эмоциональное (“этническое”) поле, виртуальное и в то же время реальное пространство, в котором человек существует и функционирует и которое становится “ощутимым” при столкновении с явлениями иной культуры. Что же касается **когнитивной базы**, то под ней понимается “определенным образом структурированная совокупность знаний и национально маркированных и культурно детерминированных представлений, необходимо обязательных для всех представителей национального лингво-культурного сообщества” [23, с. 11], см. также [6, с. 249; 14, с. 62; 7, с. 42; 8, с. 98].

Успешная коммуникация на изучаемом языке возможна лишь в том случае, если инофон владеет хотя бы ядерными элементами соответствующей когнитивной базы. Существенную помощь в усвоении этих элементов оказывает работа с современными публицистическими текстами. Но, используя их в качестве учебного материала, преподаватели РКИ должны учитывать изменения, произошедшие в языке за последнее десятилетие. Как известно, в мировом сообществе этот период ознаменовался важными общественно-политическими и социально-экономическими преобразованиями. В бывшем СССР упоминаемые процессы протекали особенно стремительно и болезненно, завершившись одномоментным сломом не только общественной формации, но и мировоззренческих ориентиров.

Естественно, кардинальное изменение экстралингвистических факторов повлекло за собой ускоренную динамику в развитии языковой ситуации. При этом в языке отразилась демократизация общественных и межличностных отношений. А, как мы знаем, только газета незамедлительно реагирует на происходящие события, фиксирует и доносит до читателей все новое, что имеет место в языке. И, таким образом, газета играет важную роль в жизни общества, являясь, как и другие СМИ, определяющей сферой его культуры. Демократизация, свобода личности, снятие многих запретов, существенно повлияли на состояние публицистического дискурса: авторы текстов стремятся к свободе, желают говорить не так, как это делали ранее, то есть занимаются речевым творчеством. (Таким образом, на передний план стали выходить личные речевые пристрастия участников коммуникации.) Это творчество реализуется и в применении ПВ. Возросшая частотность их использования напрямую связана с такими особенностями мировоззрения современного представителя русского лингво-культурного сообщества, как, с одной стороны, тяготение к стандартам и, с другой, стремление к ироническому и недоверчивому восприятию действительности. Включая в свой, оригинальный, текст элементы чужого текста, журналист повышает словесную изобразительность, создаваемого им “произведения”. По мнению Н. С. Валгинсй, “расцвеченный узнаваемыми образами текст привлекает ассоциативными связями, оригинальными вкраплениями” [3, с. 15].

В связи с этим весьма существенной для нашего исследования является теория **интертекстуальности**. Этим понятием впервые начали пользоваться сторонники постструктуральной научной парадигмы: Р. Барт, Ж. Деррида, М. Фуко и др. Сам термин был введен в научный обиход Ю. Кристевой для обозначения лингвистических связей любого текста с другими текстами [см. прозрачную внутреннюю форму термина (лат. Inter [приставка] — “между”, лат. Intertextum [форма супина] — “вплетенное внутрь”) [30]. Постструктуралисты объявили “интертекстом” всю культуру человечества, служащую своего рода пред-текстом любого вновь создаваемого текста. Каноническую формулировку концепции интертекста представил Р. Барт: “Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. — все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста, интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек” [29, с. 78]. Следствием полной ассимиляции культуры с интертекстом и представления текстов как состоящих исключительно из набора интертекстуальностей стало обезличивание авторского творчества. Ю. Кристева написала о “депер-

сонализированном производстве” текстов, М. Фуко заявил о “смерти субъекта”, Р. Барт объявил “смерть” автора, читателя и индивидуального текста [цит. по 25, с. 52]. Теория интертекстуальности имеет непосредственное отношение к предмету нашего исследования, поскольку природа и функциональная значимость ПВ базируется именно на межтекстовом взаимодействии, на возможности языковой личности при порождении собственных речевых произведений обращаться к “чужому слову”. На наш взгляд, данная теория является очень интересной, однако мы сами не склоняемся к такому широкому пониманию интертекстуальности.

Обращение к “чужому слову” стало одной из ведущих особенностей развития литературного процесса конца XX — начала XXI века и в первую очередь проявилось в литературе “массового” характера, см., например, романы Д. Донцово́й (наблюдение И. А. Гуловой — [9]). Современная публицистика активно поддержала эту новую традицию. Почему ПВ стали настолько популярными именно в этой дискурсивной практике? Ответ необычайно прост: ПВ изначально в силу своей структуры и функциональных особенностей ориентированы прежде всего не на передачу некоторой информации, а на эмоции адресата.

Чтобы воздействовать на эти эмоции, журналисты как раз и применяют ПВ. Эффект воздействия на читателя многократно усиливается за счет трансформирования ПВ (другие термины, существующие для обозначения такого способа оперирования ПВ, см. в [16, с. 349; 17, с. 85]). Случаи, когда ПВ выступают не в исходном, а в трансформированном виде, представляют серьезные трудности для иностранных студентов, так как коммуникативная связь трансформации с первичным культурным источником и конкретным фоном требует совершения огромной аналитической работы. Для того, чтобы понять модифицированное ПВ, инофон должен владеть семантикой исходного высказывания, что само по себе достаточно сложно, поскольку ПВ чаще всего обладает тремя уровнями значений:

1) поверхностным значением, которое равно сумме значений компонентов высказывания;

2) глубинным значением, которое представляет собой семантический результат сочетания компонентов ПВ, формирующих его лексико-грамматическую структуру;

3) системным смыслом, представляющим собой “сумму” глубинного значения (при наличии такового) и знания прецедентного феномена (ПТ, ПС) и связанных с ним коннотаций [23, с. 33], см. также [14, с. 69]. Коммуникативные неудачи происходят, как правило, из-за того, что инофоны даже при высоком уровне владения языком принимают во внимание лишь поверхностное значение ПВ.

Как уже было сказано ранее, наибольший исследовательский интерес у нас вызвали ПВ, источниками которых являются тексты песен. И это вполне объяснимо: песня обладает необычайной силой воздействия — за счет слияния текста и музыки; песня как жанр необычайно тесно связана с жизнью, в ней отра-

жается культурный, исторический опыт народа; по песням, так же как и по литературным произведениям, “судят о государстве, о людях, о времени” [28, с. 4]. Особенно показательны в этом смысле песни советского периода, тексты которых, можно сказать, обладали сакральным статусом. В последнее время, вследствие ценностной переориентации, они стали подвергаться переосмыслению. Нам встретился такой пример: “*Мой унитаз, вперед лети!*” [заголовок к заметке о гонках на передвижных биотуалетах] (“Телнеделя”, №45, 2003 г.). Исходная форма ПВ: “*Наш паровоз, вперед лети!*” Источником является песня “Наш паровоз” (сл. А. Красного (Спивака) и Б. Скорбина, муз. П. Зубакова, 1922) [21, с. 37]. Мы исследуем этот случай, поскольку образ паровоза обладал в советскую эпоху довольно большой значимостью. Ср. известное выражение “Революция — паровоз (локомотив) истории” — цитату из статьи К. Маркса “Последствия 13 июня 1849 года” из цикла “Классовая борьба во Франции” [18, с. 318]. С этим выражением как раз и перекликается приведенное нами ПВ. В приведенном примере замена высокого слова “низким” и помещение в соответствующий контекст явно реализует интенцию десакрализации ПВ. Как раз в подобном переосмыслении, по мнению И. А. Гуловой, и состоит специфика современного использования чужого текста [9, с. 90]. Ключом к пониманию этого процесса, на наш взгляд, может служить понятие **карнавализации**, введенное М. М. Бахтиным (сам термин восходит к слову “карнавал” [франц. *carnaval*, итал. *carnevale*, вероятно, от лат. *carrus navalis* — потешная колесница, корабль праздничных процессий]). “Карнавальная смех — амбивалентный смех, охватывающий оба противоположных полюса явления, когда хвала оборачивается бранью, поношением, “верх” переходит в “низ” и наоборот, и разрушающий иерархическое представление о мире” [2]. В этом случае речь идет о жизнерадостном (“смеховом”) неприятии народом всякой обособившейся от него и застывшей официальной правды. Естественно, сакральный текст, подвергнутый карнавализации, утрачивает свой особый статус. Интересно, что существуют и противоположные точки зрения: например, А. Я. Гуревич пишет о том, что “сакральное не ставится смехом под сомнение, оно упрочивается смеховым началом, которое является его двойником и спутником, его постоянно звучащим эхом” [10, с. 327]. Карнавализация существовала всегда, что же касается современности, то нужно говорить об усилении карнавального начала как в художественной литературе, так и в публицистике. Такое усиление можно объяснить спецификой эпохи, когда перемены в общественной жизни привели к изменениям в психологической установке масс, пользующихся русским языком, в их языковом вкусе и чутье языка. Следствиями этого стали раскрепощенность, раскованность, большая свобода в выборе содержания и формы и, наконец, ерничество, как преднамеренное высмеивание чего-либо.

Рассмотрим другие случаи применения ПВ, восходящих к текстам советских песен. В качестве источников ПВ выступают не только известные произведения первых революционных лет, но и те песни, которые стали популярными в годы Великой Отечественной войны. Интересно, что многие из них были написаны еще до этого исторического события. Это такие песни, как “Священная

война”, “Катюша” и “Смуглянка”. Обратим внимание на такой пример: *“Идет война народная, священная война!”* [подзаголовок к статье о том, как крестьяне пытались защищать свои права на землю] (“Комсомольская правда”, №125, 2004 г.). Данное ПВ употреблено в исходном виде и в своем первом значении, зафиксированном в пособии Л. П. Дядечко [11, с. 95]; то есть речь идет о непрекращающейся и справедливой борьбе. Источником приведенного ПВ служит текст песни “Священная война” (сл. В. Лебедева-Кумача, муз. А. Александрова, 1941). Эта песня стала музыкальным символом трудных лет Великой Отечественной войны, хотя по некоторым версиям ее текст был написан гораздо раньше, еще в 1916 году, и максимально “отвечал” требованиям того времени; так, в нем были слова: “С тевтонской силой черною, с тевтонскою ордой”. Автором песни был рыбинский учитель А. А. Бодэ. В 1941 году, будучи русским немцем по национальности и не имея поэтому шансов донести песню до слушателей, он подарил ее В. Лебедеву-Кумачу (см. об этом “Комсомольская правда в Украине”, №139, 2003 г.).

Не менее интересен такой случай: *“Там смуглянка-китайка собирает каучук”* [подзаголовок к статье; речь идет о том, как в 1953 году молодая китаянка, собиравшая каучук, встретила с гигантской обезьяной] (“Теленеделя”, №14, 2004 г.). Источником ПВ *“Там смуглянка-молдаванка собирала виноград”* является текст песни “Смуглянка” (сл. Я. Шведова, муз. А. Новикова, 1940. Данная песня была частью сюиты, в которой воспевалась девушка-партизанка времен гражданской войны. Само произведение посвящалось Г. И. Котовскому.). В исследуемом нами случае имеет место замена двух лексических компонентов. Осуществив такую трансформацию, журналист приспособил ПВ для характеристики заинтересовавшего его факта внеязыковой действительности. С той же целью автор публицистического текста подверг трансформации цитату из песни “Катюша” (сл. М. Исаковского, муз. М. Блантера, 1938) [11, с. 141]: *“Выходила в четвертьфинал Катюша...”* [заголовок к заметке о том, что украинская теннисистка Е. Бондаренко вышла в четвертьфинал Открытого чемпионата США среди юниоров] (“Московский комсомолец в Украине”, №37, 2003 г.). Здесь также была произведена замена двух лексических компонентов.

Многие песни, тексты которых проявляют себя как источники ПВ, впервые прозвучали в художественных фильмах, что в немалой степени способствовало их популяризации. Некоторые из них обогатили русскую когнитивную базу не одним, а несколькими ПВ. В частности, так можно сказать о песне “За того парня” (сл. Р. Рождественского, муз. М. Фрадкина из к/ф. “Минута молчания” (к/ст. им. М. Горького), 1971). Проанализируем следующий пример: *“Кими Ряйкконену [финскому автогонщику]... пришлось отработать на дистанции “за себя и за того парня”.* (“Киевские ведомости”, 25.03.03). Данное ПВ употреблено в исходной форме и в одном из своих обычных значений: “делать что-либо за себя и за другого” [11, с. 82]. В публицистическом тексте речь шла о том, что автогонщику пришлось проехать не только свою дистанцию, но и дистанцию соперника. См. другие случаи подобного применения ПВ: *“В тех случаях, когда Нагиеву не удастся сыграть за себя и за того парня, он собирает-*

ся привлекать к работе над сериалом других актеров”. [из заметки об актере Д. Нагиеве] (“Теленеделя”, №13, 2004 г.); “*Ольга Герасимьюк ведет программу за себя и за того парня*”. [Подпись под фото к статье о ток-шоу “Хочу и буду”] (“Теленеделя”, №5, 2004 г.); “*Не стоит топтать (г. е. “есть”) за себя и за того парня — съешьте немного, но чего-нибудь вкусенького*”. [из статьи о том, что бороться с депрессией можно с помощью правильного питания] (“Теленеделя”, №49, 2003 г.) В первом из приведенных примеров журналист сделал акцент на том, что актер попал в такую ситуацию, когда ему придется выполнять не только свою работу, но и обязанности своего бывшего партнера (артиста Ю. Рост). Во втором примере автор публицистического текста пишет о подобном случае — О. Герасимьюк ведет программу одна, хотя раньше у нее тоже был партнер (ди-джей Паша). Своеобразие третьего примера заключается в том, что имеет место связь с выражением “есть за двоих” (естественно, здесь не указывается, за кого еще, кроме себя, “не стоит” производить соответствующее действие).

Теперь рассмотрим случай, где в качестве ПВ функционирует название упомянутой песни: “*За того парня*” [заголовок заметки об успехах отечественных и зарубежных хоккеистов и о том, что главный герой недели — российский форвард И. Ковальчук] (“Киевские ведомости”, 25.10.03). Здесь ПВ помещено в неожиданный контекст. Результатом стало изменение в семантике — ПВ напоминает либо тост, либо лозунг болельщика.

К тексту песни “За того парня” восходит и ПВ “*Что-то с памятью моей стало...*”, которое употребляется, если речь идет о забывчивости (шутл., ирон.). Именно в таком значении употреблено ПВ в следующем случае: “*Борис Моисев: что-то с памятью моей стало...*” [в тексте говорится о том, как певец, будучи пьяным, забыл в магазине свою сумку] (“Теленеделя”, №4, 2004 г.)

Проведенное нами исследование позволяет сделать следующие **выводы**:

1) Такой вид источников ПВ, как тексты песен, занимает значительное место по частотности — 31% от общего количества проанализированных случаев (690).

2) Применение ПВ в современных публицистических текстах очень часто сопровождается модификацией их формы. Так, из 216 проанализированных случаев функционирования песенных ПВ в исходном виде употреблены только 84 ПВ (39%), остальные же — 132 ПВ (61%) подверглись различного рода трансформациям.

3) Трансформирование нередко приводит к снижению исходного текста; в особенности это касается цитат из песен советского периода, ранее обладавших сакральным статусом. Ключом к пониманию этого явления может служить понятие карнавализации, введенное М. М. Бахтиным.

4) Оба способа применения ПВ требуют от учащихся высокой культурной грамотности, поскольку они тесно связаны друг с другом: для того, чтобы заметить в тексте модифицированное ПВ и воспринять его экспрессивный заряд, необходимо знать исходную форму этого ПВ и владеть его семантикой (что само по себе достаточно тяжело, так как в большинстве случаев ПВ обладают тре-

мя уровнями значений). Именно поэтому преподавателям РКИ следует уделить особое внимание поиску приемов презентации, закрепления и активизации этих национально-специфичных единиц русского дискурса.

В качестве ближайшей **перспективы** нашего исследования мы выдвигаем выработку принципов систематизации и классификации наиболее частотных прецедентных высказываний.

Литература

1. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. — М., 1987. — 158 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М., 1975.
3. Валгина Н. С. Текст в тексте // Слово и контекст: Филологический сборник к 75-летию Н. С. Валгиной / Моск. гос. ун-т печати. — М.: МГУП, 2002. — 202с., С. 7-20.
4. Виноградов В. В. О задачах истории русского литературного языка // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, 1945. Вып. 3.
5. Гудков Д. Б. К вопросу о словаре прецедентных феноменов // Культурные словари во фразеологизмах и дискурсивных практиках / Отв. ред. В. Н. Телия. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 344с., С. 251-259.
6. Гудков Д. Б. Межкультурная коммуникация. Лекционный курс для студентов РКИ. — М.: Изд-во МГУ, 2000. — 120 с.
7. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. — М., ИТДГК “Гнозис”, 2003. — 288 с.
8. Гудков Д. Б., Клобукова Л. П., Михалкина И. В. Обучение русскому языку как иностранному в условиях современного социального контекста общения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — №6. Изд-во Московского университета, 2001, С. 244-257.
9. Гулова И. А. От трагического до смешного один шаг? (интертекстуальность в “массовой” литературе) // X Международная конференция по функциональной лингвистике “Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации” Сб. научных докладов. Ялта 29 сентября — 4 октября 2003 г. / Отв. ред. Рудяков А. Н. — Симферополь, 2003, С. 90-91.
10. Гуревич А. Я. К истории гротеска. “Верх” и “низ” в ср. — вэж. лат. литературе // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. 34, 1975, №4.
11. Дядечко Л. П. Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова — крилаті слова (материалы для словаря): Учебное пособие. — Ч. 2: Д — Л. — К., 2001. — 199 с.
12. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. — СПб: Златоуст, 1999. — 320 с.
13. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Как тексты становятся прецедентными. // Русский язык за рубежом. 1994. №1. С. 73-76.
14. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — №3. Изд-во Московского университета, 1997, С. 62-75.

15. Литературный энциклопедический словарь (Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. Редкол.: Л. Г. Андреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров и др.). — М.: Сов. энциклопедия, 1987. — 752 с.
16. Мельник Ю. А. Лингвокультурологический аспект прецедентных высказываний (на материале современной публицистики) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия “Филологические науки”. Том 15(54) №4, 2002, С. 344-352.
17. Мельник Ю. А. Особенности функционирования прецедентных высказываний, восходящих к текстам песен, в современной публицистике // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия “Филологические науки”. Том 16(55) №1, 2004, С. 82-92.
18. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. — СПб: Фолио-Пресс, 1998. — 704 с.
19. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). — М., 1997.
20. Ожегов С. И. О крылатых словах (По поводу книги Н. С. и М. Г. Ашукиных “Крылатые слова”) // ВЯ. 1957, №2.
21. Песни наших отцов. Песни революции и гражданской войны (для детского хора в сопровождении фортепиано). — М.: “Музыка”, 1973. — 38 с.
22. Потехня А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. — Харьков, 1930.
23. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. — М.: “Гнозис”, 2004. — 318 с.
24. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: монографическое учебное пособие. — К. Брама, Изд. Вовчок О. Ю., 2004. — 336с.
25. Силин В. В. Контекст и интертекст // Когнитивные сценарии языковой коммуникации // доклады международной научной конференции / Ред. С. С. Дикарева, В. М. Ронгинский. — Симферополь: Изд-во Таврического экологического института, 2001. — 220с. , С. 52-53.
26. Синельникова Л. Н. Языковые изменения конца XX века. Метаязыковые суждения-комментарии как фрагмент языковой картины мира // Язык: история и современность. — Луганск, 1999. — С. 174-176.
27. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — Academia, 2000. — 128 с.
28. Такая молодость пора...: [Сб. песен]. Сост. В. Аксенов; Предисл. И. Шаферана; Коммент. Л. Ивановой. — М.: “Мол. гвардия”, 1987. — 318 с.
29. Barthes Roland. Texte. In: Encyclopaedia universalis. Vol. 15. Paris. 1973.
30. Kristeva J. Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman // Critique. Paris, 1967. №23.

Статья поступила в редакцию 21 сентября 2004 г.